

Что Лензу, что Эмме хватило всего мгновения, чтобы понять, на какую глубину вёл провал.

— И ты правда собираешься переступить черту города? — удивлённо прошептал головастик.

Я не ответил.

— Мы не сможем с тобой пойти, красавчик, — хмыкнула Эмма, оглядываясь. — Кажется, моё время пришло.

Рядом с нами, словно ни на секунду и не покидая, оказался Ползучий человек. Чарльз, только докурив нуарную сигару, тут же закурил следующую.

Его можно было понять.

Сущность в чёрной маске подняла взгляд на небо, после чего опустила взгляд на меня.

— Мы ещё не закончили, — крутанул зонтик в руке. — Я вернусь за малышкой Эммой, просто чуть позже. Меня ты не сможешь забрать, даже если захочешь.

Это была не угроза, а констатация факта. Даже если у меня силёнок и не хватит отбиться, мы находимся слишком близко к провалу. Провалу, в котором обитало чем-то очень печальное Немое. Даже если эта сущность сможет отбиться — без потерь она не уйдёт. Океан не любит отпускать тех, до кого дотягивается.

Я получил ответ. Полный образов, концепций. На миг нахмурился.

Если интерпретировать то, что я «услышал», то Ползучий человек более и не заинтересован во мне. Безусловно, был. Но не теперь.

На Ленза ему изначально было плевать: конкретно с «ним» они не договаривались ни о чём. Он не может никак интерпретировать в свою пользу контракт, так как банально не вступал с «ним» в контакт.

За малышкой Эммой я позже смогу вернуться и помочь ей, как «опекун». В этом нет никакой проблемы. Главное, чтобы контракт был выполнен.

Какой хороший парень.

— Мне понравилась наша «команда», — захихикала Эмма, крутанувшись на месте, поднимая в небо капли дождя. Где-то ударила чёрная молния. — Ты очень комфортный, красавчик. Намного более комфортный, чем все осколки, которые я видела до этого. Возможно, в тебе

больше хорошего от Художника, чем плохого. Жаль, что у нас с тобой ничего не получилось.

Я кивнул. Действительно жаль.

Девушка напоследок прилипла ко мне всем телом, после чего на ушко прошептала:

— Не забудь угостить своим молочным шейком, когда в следующий раз наведишь меня. И не пробуждай меня больше убийством, будь нежнее.

Я удивлённо скосил взгляд на другой осколок.

— Ты веришь, что я благополучно выберусь из этого дерьма?

Эмма оскалилась.

— На то мы и твари океана, чтобы погружаться с головой в мечты, не так ли?

Это было последнее, что я услышал от другой «я» прежде, чем она исчезла вместе с Ползучим человеком, словно его никогда и не было.

Крутанул зонтик в руке, переведя внимание на Ленза.

— Я так понимаю, камеру ты пока оставишь себе.

Ленз дружелюбно улыбнулся, с удовольствием прижав к себе дар океана.

— У нас с ней неплохая совместимость. Не такая, как могла бы быть, но я найду ей применение.

— Не боишься, что ведущие придут за своим?

Конечно, я знал, что ублюдок не захочет отдавать камеру. Грёбанный фотограф требовал соизмеримую потраченных усилий плату. Учитывая, сколько жизней мы положили и тому, что от его флота, на который он мог потратить целые десятилетия, практически ничего не осталось, это была ещё малая цена.

С другой стороны, это была не моя камера. Да и не нам беспокоиться о времени.

Пока будет океан — в каком-то виде, в каком-то воплощении, в какой-то вариации мы будем существовать. Воплощение несчастья, проклятье для всего древа реальности.

— Думаю, мы сможем с ними договориться, — пожал плечами мужчина, видимо, считая риски оправданными. — Эта безумная сучка права, Феликс: с тобой удивительно комфортно общаться. Ты безумно похож на Мистера Стивенсона, но ты не он. Когда придёт время вернуть старому ублюдку должок — найди меня. Уверен, с тобой мы сможем договориться.

Я улыбнулся.

— Неужели и ты в меня веришь?

Психопат вновь натянул на лицо дружелюбную улыбку. Очевидно, его ответ мало отличался от ответа Эммы.

— Что ты будешь делать со скульптором?

— Сотру разум, — буднично ответил Ленз, уставившись в объектив. — Будет интересно провести на другом осколке... несколько экспериментов.

Я крутанул зонтик в руке.

Грёбанный психопат. Иной раз холодный разум намного страшнее безумия. Лучше бы он его просто сожрал.

Возможно, потому Мистер Стивенсон в том числе и говорил про «баланс».

Головастик щелкнул камерой, исчезнув. Задумался на миг над тем, как он будет договариваться потом с теми древними тварями. Возможно, они смогут отвлечься на него. Будет совсем хорошо, если они забудут про меня.

Остались Чарльз, Ред, Пит и Шеди.

— Ред, Пит, Шеди, ко мне.

С тела стилиги тут же сползла красная жижа, приняв уродливую форму красного ублюдка с седой шевелюрой. Пит тут же выбрался из разума Чарльза, постучавшись в мой; тень специального инспектора сгустилась, материализовавшись в трёхмерном пространстве.

— Мы уволены, босс? — вкрадчиво поинтересовался Ред. — Когда нам стоит ждать выплату? Стоит ли нам ждать бонусы, надбавки?

Шеди задрожал. Тень усталилась на клоуна, как на клоуна. Он явно сильно развился с того момента, как познакомился с одним из моих настоящих друзей.

— Отныне у вас новый «босс», — крутанул я зонтик в руке, уставившись на молчаливого нуарного стилиста. — На данном этапе от вас уже мало толку. Хотел бы я от вас избавиться, но вы ещё можете быть полезны.

Редди оскалился. Я почувствовал от него небывалое возбуждение. Мерзкое, противоестественное, нечеловеческое возбуждение. Меня он обязан был слушаться, зная, что я его смогу достать из любой дыры мироздания, но Чарльз...

От Чарльза было легко сбежать.

Я навёл зонтик на удивлённого красно-розового ублюдка. Буря скрутилась вокруг меня в водоворот энергии океана, влетев в инопланетную тварь.

Редди сморщился, его форма дестабилизировалась, он боязливо зарычал, завизжал, замычал, стал издавать такие звуки, на которые человеческая гортань в принципе не была способна.

В сущности, я не сделал ничего такого.

Всего лишь открыл в глубинной сущности ублюдка небольшой провал в океан. Или, если говорить с точки зрения Реда, провал в Бездну.

— Мои друзья всегда будут чувствовать тебя, — ласково прошептал я, нависнув над инопланетной жижей. — «Они» будут знать про тебя всё, чувствовать и видеть каждую твою мысль. Тебе некуда бежать, Ред.

Ублюдок чувствовал себя слишком плохо, чтобы поправить меня. Уверен, он услышал шепот. Бесчисленный, неразборчивый шепот. Их было много, слишком много. Слишком страшные, слишком могущественные, слишком злые.

Я улыбнулся.

— Тебя это тоже касается, Пит.

В моей голове раздался визг. Я чувствовал, как из глубин моего сознания бесчисленные щупы потянулись к кошмару, напоминая про то, что всегда нужно быть послушным.

Остался лишь Шеди, со страхом ожидая своей участи.

Я подошёл к сгустившейся тени практически вплотную.

В сущности, на нынешнем этапе моего существования, при желании, я мог бы и без него

потянуться в тень, благо, опыта взаимодействия с этим планом существования у меня благодаря своеобразному симбиозу более чем достаточно, но, к сожалению, это всё равно будет не тот уровень, на который был способен Шед.

Было немного жалко отказываться от него. Удобный, практически всегда послушный маленький уродец, его силы в том числе были большими и разнообразными. Но, когда дело доходило до настоящего столкновения, я был намного опаснее. Столкновение со скульптором показало это особенно наглядно.

Возможно, если бы он окончательно слился со мной и я получил под контроль его силу, то ситуация бы изменилась. К сожалению, в вариациях несбывшегося будущего Чарльз показал себя намного лучше в управлении тенью, да и сам маленький уродец заметно охотнее шёл на контакт именно с нуарным стилингом.

Для меня это лишь очередной удобный инструмент, который потерял большую часть своей пользы, тогда как для моего дружка это значило совершенно другой уровень сил, что позволит ему в будущем намного эффективнее и с заметно большим охватом защищать этот мир. И, возможно, соседние. Чувствую, ему хорошо подойдёт роль нуарного генерального директора.

Так просто стилингу теперь было не убить, Редди же ему обеспечит практически полную свободу передвижения по древу реальности.

Возможно, без моего участия, специальный инспектор действительно сможет кому-то помочь.

— Я не стану трогать то, что осталось от твоей жалкой душонки, — обрадовал я маленького уродца. — Но в случае чего это тебя не спасёт, маленький ублюдок. Слушайся Чарльза, и всё будет хорошо.

Я хмыкнул.

Какое-то время. В конечном итоге, океан поглощал всех, и их эта судьба тоже ждёт. Просто пока они этого ещё не знают. Либо знают, но стараются не думать.

Живи моментом, чёрт возьми.

Перевёл взгляд на Чарльза. Видно, что его начало понемногу отпускать, даже нуарный плащ развеялся вместе с новой нуарной сигарой.

— Обнимемся на прощание? — оскалился я. — Нет? Дружище, мы ведь так долго были вместе, неужели ты не чувствуешь горечи расставания?

Мужчина молчал, смотря мне в глаза. Впрочем, ему явно не слишком-то и нравилось

находиться практически в самом эпицентре бури, поэтому он всё-таки переселил себя и заговорил. Медленно, вкрадчиво, смакуя каждое слово.

Где-то в небе вновь ударила чёрная молния.

— Ты зря даёшь мне столько возможностей, Фишер. Ты тварь, которую нужно уничтожить. И я никогда не забывал про это. Ты можешь быть кем угодно, хоть древним Богом из самых глубин Бездны, но это не спасёт тебя. Рано или поздно тебе настанет конец.

Нуарный стилига совсем не ценит нашу дружбу. А ещё, кажется, он слишком поверил в мою доброту.

Не зря поверил.

Крутанул зонтик, перекинув его на другое плечо, развернувшись в сторону провала на нулевую глубину.

— Ты опоздал, приятель. Мне уже настал конец. Давным-давно. Если ты завтра проснёшься — рекомендую купить себе молочный шейк. Это будет твой второй день рождения.

Или какой там по счёту?.. Работа, конечно, опасная.

— Профессор, кстати говоря, передавал привет.

Не став ещё больше задерживать наше драматическое расставание, я смело и, наверное, как-то даже меланхолично пересёк черту города.

Стоило мне пересечь невидимую черту, как я почувствовал, будто сиганул с обрыва. Дыхание на миг остановилось, лёгкие заполнились иллюзорной водой. Я чувствовал, как каждую клеточку моего тела пропитывала родная, знакомая сила. Она вновь встречала меня, ластилась ко мне, даря безграничное могущество.

Я вновь чувствовал себя настоящим Богом. Чувствовал, как по одному моему щелку будут создаваться и уничтожаться целые миры.

К сожалению, такие же иллюзорные миры, как и всё в месте, где исполняются любые мечты, не требуя ничего взамен.

Крутанул зонтик в руке, подняв взгляд на небо. Удивлённо присвистнул.

В лицо ударил солнечный свет. Тёплое солнышко приятно согревало, не оставляя и намёка на

ту бурю, что происходила на иллюзорной суше. Словно лето наступило.

Парадоксально.

Убрал «Универсальную Удочку», принявшую форму зонтика, неспешно направившись вглубь города. Спешить было уже некуда: Немое наверняка знало, что я пересёк незримую границу, погрузившись к нему в самые недра океана.

Да и не то чтобы в этом месте существовало такое понятие, как «расстояние». Чем больше я познаю древо реальности — тем больше понимаю, что «расстояния» в принципе не существует.

На ходу одежда на мне изменилась. Появилась привычная рубашка с красными пятнами, шорты, шлёпанцы.

С каждым шагом мимо меня проносились километры, приближая меня к теперь уже по-настоящему несуществующему городку. Не прошло и минуты, как я оказался в привычном городе, удивлённо оглядываясь.

Всё было таким ярким, светлым, добрым. Я не могу описать точно, что вижу перед собой, но находиться в обычно дождливом Реинвелле стало до невозможного комфортно. Так тепло и приятно, словно я вернулся домой после долгого путешествия.

Обычно слишком «яркие» и «добрые» тона меня раздражали, возникало чувство фальши и излишней слащавости, но сейчас такого не было. Я словно оказался в какой-то детской мечте. Самой обычной, наивной, доброй, не пытающейся из себя строить невесть что.

Чистый, лишённый грязи мир.

Меня окутало чувство уюта, приятной ностальгии, будто я мысленно вернулся в прошлое, задолго до того, как меня поглотил океан.

Захотелось просто взять и уснуть. И не нужно было уточнять, чем для меня грозит сон на нулевой глубине.

Я оскалился.

Моя рыбка в аквариуме уже пыталась меня усыпить, и чем это закончилось?

По сознанию словно прошла холодная волна. Зрение вмиг стало более чётким, в тело вернулась бодрость. Я буквально облил себя холодной водой.

Сейчас я сам решал, поддаваться неге или нет.

Твёрдым шагом я привычно направился в кафе, мимоходом наблюдая за поглощёнными океаном душами. Весь город продолжал жить как ни в чём не бывало, не заметив совершенно никаких изменений.

Настолько, что все продолжали ходить с зонтиками, в дождевиках, полностью закрытой одежде, в этих странных шляпах-зонтах, Мистер Стивенсон бы их побрал.

Реинвелл продолжал жить по привычным правилам, и лишь я на его фоне выделялся, впрочем, оставаясь для окружения абсолютно неинтересным и незаметным.

К несчастью, внутри люди вокруг уже изменились до неузнаваемости.

— Дружище Том, как жизнь?

Я вальяжно зашёл в кафе, встретив вечно хмурого сотрудника Совета.

К сожалению, это был уже не он.

— Нормально, парень. А у тебя?

Мужчина улыбнулся мне, чего я до этого никогда не видел. Его улыбка казалась мне абсолютно естественной, до ужасного привычной, чего просто не могло быть.

Весь хмурый Реинвелл расцвёл, и те, кто оказались с Немое на дне, в том числе.

Да, определённые тональности остались. Том всё ещё казался чуть более хмурым, чем остальные, однако...

Я достал из ниоткуда кисть, проведя ей по пространству. Окружающий мир, словно этого и дожидаясь, поплыл бесчисленными светлыми красками, в которые стала вплетаться привычная мне тьма.

Картина окружающего бытия незначительно, но изменилась. Была доработана, «исправлена» мной. Я делал это с картинами малышки Сэнди очень часто, и эта не стала исключением.

Улыбка Тома медленно исчезла. Мужчина удивлённо моргнул, осматриваясь, словно после долгой попойки. Я почувствовал, как из глубин сердца человека поднялся страх.

— Какого хрена происходит, Фишер?

Вот это уже привычный Том. Правда, заметно более нервный Том. Как минимум частично осознающий своё положение.

Я пожал плечами.

— Развлекайся пока тут, можешь воплотить себе какую-нибудь шлюху-другую. Если всё пройдёт хорошо — возможно, ты сможешь выбраться. Если нет — наслаждайся вечностью, пока можешь.

Я перевёл взгляд на женщину рядом с собой. Она словно всё время стояла рядом со мной. В лёгком бикини, с яркими рыжими волосами и не менее яркими карими глазами, передо мной была редкостная красавица. Тонкая талия, немаленьких размеров грудь и большая задница, симпатичное личико. Для подавляющего большинства мужчин, да и, наверное, женщин — настоящая секс-бомба, готовая исполнить любое твоё желание.

Жаль, что всего лишь очередная фальшивка.

Я едва сдержался от того, чтобы не поморщиться. Ничего, кроме отвращения, у меня эта кукла не вызвала, чего, впрочем, нельзя сказать про Тома.

— Что-то вроде такого, — ухмыльнулся я, увидев, как вытаращился на женщину мужчина.

В конце концов, не каждый день увидишь на ровном месте воплощение собственных самых грязных фантазий.

Подмигнув приятелю, развернулся на выход. Том попытался меня остановить, окликнуть, но не смог: его голос исчез, тело застыло. Из глубин души поднялось ещё больше ужаса.

Пускай пока посидит в кафе, отвлечётся. С другой стороны, зная психологию мужчины, он, скорее всего, не станет прикасаться к небольшому презенту. Слишком верный.

По крайней мере, не заскучает.

Я вышел из кафе, замуравив мужчину внутри взмахом кисти, отправившись дальше. Мне хватило всего двух шагов, чтобы оказаться на пороге нового-старого дома.

Остановившись у двери, на миг замешкался. Но, к счастью, всего лишь на миг.

Дверь не была закрыта, да и не могла быть закрытой. Родители были дома, что меня совершенно не удивило. Мужчина и женщина сидели в гостиной на диване, смотря телевизор, сперва даже не обратив на меня никакого внимания.

Они смотрели какую-то рекламу детского питания.

Я поморщился.

Вздохнув, неожиданно плюхнулся на диван между удивлёнными Джимом и Молли.

— Бандит, чего это ты? — ухмыльнулся полицейский, потрепав меня по голове. — Почему не в школе?

— Сегодня выходной, — буднично ответил я.

Родители тут же поверили.

— Из-за своей работы ты уже забываешь про выходные, Джим, — пробурчала Молли. — Что-то случилось, малыш?

Я удивлённо хмыкнул, почувствовав неожиданное тепло к этой женщине.

Она мне не нравилась. Не только тем, что была поразительно похожа на меня, причём больше именно на ту часть, которую я в себе ненавижу, несмотря на её женское начало, так ещё и сама по себе была...

Скажем так, мне не слишком нравилось, что заставить её пойти на работу смогло только переписывание реальности, с упором на моё собственное желание.

Из Джима получился намного более хороший и понимающий родитель, чем из Молли, несмотря на то, что он практически всё время пропадал на работе.

И всё же, я по-своему привязался к ним. И к Джиму, и к Молли. Хотя, к отцу, конечно, чуть сильнее. Стараниями Мистера Стивенсона я уже не смогу по-настоящему привязаться к ним, да и вообще к людям в целом, что не отменяло наличие определённых, достаточно тёплых эмоций.

Я не стал их пробуждать. Не стал им говорить, что происходит. Просто смотрел с ними на статичную рекламу детского питания, пока не удовлетворился этим фальшивым, насквозь надуманным чувством безопасности, которое у меня появлялось, когда я находился рядом с ними.

К сожалению, чем больше я был в их жизни — тем потенциально ужаснее могла стать их судьба.

— Мне нужно идти.

Я вырвался из объятий родителей, неспешно направившись на выход.

— Ты уже ходил к своей подруге? — ухмыльнулся Джим. — Она была очень расстроена твоим отсутствием, бандит.

Мужчина прямо сиял от гордости, когда поднимал эту тему. Странность ситуации его совершенно не смущала, да и не могла смутить.

Я остановился у входной двери.

— Как раз иду к ней. Кстати говоря, я вам когда-нибудь говорил, что мне не нравится моё второе имя? На редкость дерьмовое. В следующий раз не давайте таких странных имён.

Неверующий сын в семье верующих — горе. Слава Мистеру Стивенсону, что не заставляли ходить в церковь. Так подумать, ещё очень демократичная семья.

Я настоящий счастливчик, да?

Мужчина и женщина уставились на меня удивлёнными, остекленевшими взглядами, медленно кивнув. Когда я вышел, закрыв дверь, они продолжили как ни в чём не бывало смотреть телевизор.

Я же неспешно направился к конечной точке.

Шаг.

Второй...

И я остановился у нужной двери.

Выждав секунду-другую, вежливо постучался. Естественно, это не принесло нужного эффекта. Постучался ещё раз. Ещё раз подождал. В последний раз постучал, зная, что никакой реакции не будет.

— Раз так...

С ноги выбил дверь, буднично пройдя в дом малышки Сэнди. Атмосфера неуловимым образом вновь изменилась, я почувствовал странный холод.

Палитра красок изменилась. Стало темно, будто наступила ночь. По коридору гулял холодный ветер, будто бы промораживая изнутри.

Я оглянулся, увидев только что выбитую дверь закрытой. Было такое чувство, что я уже не смогу её открыть. Довольно странное и необычное для меня чувство на нулевой глубине — чувство «ограничения».

Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого.

Я оглянулся, подойдя к окну, с удивлением узнав Вторую Луну. Или, вернее сказать, её жалкий отголосок.

Конечно, мы не могли вот так полностью махом поймать тварь таких масштабов. Многочисленные осколки твари всё ещё могли существовать в бесчисленных вариациях, давая надежду на возрождение.

Правда, учитывая, что само Немое запомнило образ Второй Луны...

Я крайне сомневался, что у бедной, стеснительной, прекрасной Луны был шанс.

Интересно, был ли он у меня-нас?..

По пути в нужную комнату столкнулся с родителями малышки Сэнди. Честно говоря, на долгую минуту застыл, уставившись на две деревянные куклы.

То есть, буквально — деревянные куклы, одетые в повседневную одежду, с нарисованными улыбками, глазами и париками. Они лежали в углу, словно какой-то мусор.

Ощутил неприятный холодок.

Запоздало осознал, что я не знал, как их звали. Никогда не акцентировал на них внимания, в принципе игнорируя существование семьи девочки. Пустое место, которое я считал чем-то вроде фоновых декораций.

— Фоновыми декорациями вы и оказались... — пробормотал я задумчиво.

Получается, всё это время мне опять что-то влияло на мозги и я даже не догадывался об этом?

Святая Мария...

Немое пробудилось из-за осознания фальшивости собственной семьи?.. Или?..

Палитра цветов потемнела ещё больше. Температура упала ещё ниже. Я успел пожалеть, что натянул на себя летний прикид.

С другой стороны, не то чтобы зимний спас бы меня от «этого» холода. Холода, что шёл из самых глубин души.

Я остановился напротив комнаты Сэнди, негромко постучав. Естественно, не дождавшись какой-либо реакции, открыл дверь самостоятельно.

Выламывать как-то не рискнул. Даже не знаю, почему.

— Этот мрачный стиль тебе совсем не подходит, — едко прокомментировал я, уставившись на...

Сущность.

Это была уже не та девочка, которую я успел неплохо узнать. Это было что-то совсем другое.

Сэнди сидела на полу напротив какой-то картины, пустым взглядом на неё уставившись. Её внешность неуловимым образом трансформировалась, то принимая старческий образ, то детский; то обращаясь в мужчину, то в женщину; внешность малышки Сэнди менялась постоянно, включая стиль одежды, будь то накидки и мантии из шкур, куртки и жилетки, самые разные платья, фраки и ещё столько разного тряпья, сколько я и подумать не мог.

Оно прожило десятки эпох, видело столько, сколько не видел ни один человек. Боюсь себе представить, что сейчас творится в голове «малышки Сэнди».

Сущность не стала переводить на меня взгляд, но ей и не нужно было: тело в данном случае выступало исключительно как проводник. Меня буквально придавило «вниманием» чего-то огромного, неподвластного. Нечто нависло надо мной, словно непреодолимая стихия, окутало своим безумием, которое могло поглощать целые миры.

Мои друзья, обитавшие где-то «поблизости», не станут вмешиваться, если со мной что-то случится. Потому что Немое для них такой же друг, как и я. Если меня сотрут или поглотят, то это будет исключительно «нашим» делом.

Впрочем, я никогда и не рассчитывал на то, что друзья помогут мне справиться с внутренними демонами.

Особенно учитывая, что внутренним демоном в данной ситуации был «я».

— Вижу, кто-то испоганил твою картину, — нахмурился я, обратив внимание на то, куда уставилась сущность.

Было тяжело не заметить, как «девочка» смотрела на свои художества. Её стиль я узнал сходу, как и увидел, что кто-то попытался спародировать мой стиль.

Поморщился.

Кажется, я догадывался, что именно произошло. И теперь у меня появилось ещё больше уверенности в том, кем конкретно был старый ублюдок.

Очевидно, моё замечание попало в цель: стоило мне это произнести, как вся окружающая действительность вокруг закрутилась, завертелась в водоворот. Поднялся ветер.

Немое открыло рот, но из него раздался лишь болезненный хрип. Меня всего аж передёрнуло, против воли я сам схватился за горло, ощутив неприятный спазм.

Лёгкие будто горели. Из глубин души поднялся ужас, ноги подкосило, из глаз пошли слёзы.

Вот же дерьмо.

На негнущихся ногах подошёл к картине, придирчиво уставившись на неё. В моей руке появилась кисть.

— И из-за этого ты так переживала? — прохрипел болезненно я. — Это же такая мелочь.

Я соврал. Это была не мелочь. Я чувствовал, как меня всего перекосило от злости. Картина малышки Сэнди вдохновляла меня, я чувствовал, сколько сил она в неё вложила. Знал, что она рассчитывала на то, что именно я её закончу.

Если бы я написал бы картину для малышки Сэнди и кто-то попытался спародировать её стиль, то погрузил бы душу этого ублюдка в такие муки, какие только могло придумать моё больное сознание, в конечном итоге не оставив от твари ничего.

Сдерживая эмоции, игнорируя сжавшееся горло и горящие лёгкие, принялся исправлять чужие кривые руки своими кривыми руками.

Дьявол крылся в мелочах. Мне не нужно было менять слишком много: тональность была задана верно. Неправильной была идея. Её просто не было. Это всего лишь реплика без души, и моя задача была эту душу вложить.

Вложить теми самыми деталями.

Я добавил песок. Бесчисленные песчинки, окружившие наши фигуры. Добавил водоворот

океана, как защищавший нас, так и уничтожавший всё на своём пути. Вложил в бесчисленные звёзды, нацеленные на нас, другую перспективу.

Я подарил «звёздам», желавшим нам зла, ужас осознания. Ужас начавшейся охоты. Рыбалки.

Маленькое путешествие подарило мне немало идей.

Я не знал, сколько дорабатывал картину. Но точно знал, что с каждым взмахом кисти что-то менялось. Сначала неуловимо, затем уже более очевидно.

Горло перестало сжимать, ужасная, отвратительная, пугающая до глубин души боль в лёгких отступала, с каждым взмахом кисти дышать становилось всё свободнее и легче.

Оно следило, наблюдало, впитывало в себя каждый мой шаг.

В какой-то момент всё закончилось.

Я медленно убрал кисть, с каким-то странным трепетом уставившись на готовую картину. К моему удивлению, она не получилась полностью мрачной, как это обычно бывает, когда я прикасаюсь к творениям малышки Сэнди, нет.

Вместо этого от картины веяло... чем-то странным. Я будто бы видел сквозь тёмные краски пробивающийся свет, который стал центром всей картины.

Я видел слабый проблеск надежды, которую изначально вложила сама же малышка Сэнди. Надежда, которую я не стал обращать во мрак, вместо этого подчеркнув её и дав будто бы вторую жизнь, иную перспективу.

Картина словно кричала, что ей плевать на то, в какой непроглядной бездне мы были. Ей было плевать на то, что сами наши души воплощали эту бездну, разнося её в каждый уголок проклятого мироздания.

Слабый проблеск надежды всё равно был. Был в нас самих. Как бы тяжело это не было, сколько бы усилий не потребовалось, сколько бы не было положено собственных жизней...

Сквозь тернии к звёздам. К преодолению собственного безумия и последующего единения.

Это — наш последний шанс. Практически недостижимый, иллюзорный, во многом наивный и не имеющий никакого смысла, но шанс.

Атлантида — это не маленький участок суши внутри непроглядного океана. Атлантида — это

целый мир, воплощённый из океана.

Немое наблюдало за каждым моим действием, зачарованным взглядом уставившись на картину. Я убрал кисть, присев рядом с Немое, просто и без затей обняв его, наплевав на вид и форму этого существа.

В конечном итоге это всё равно были крайности одного и того же существа.

— У тебя здесь слишком холодно, — едва слышно прошептал я. — Так теплее, малышка Сэнди, а?

На меня повернула голову девушка. Повзрослевшая, ослепительно красивая, яркая, полная жизни и желания жить. Осознав, что меня отпугивало, ей хватило всего одного мимолётного желания, чтобы окончательно воплотить мой личный идеал. Я почувствовал, как буквально утопал в тепле, которое покрывало мою душу, и я не сопротивился ему.

Это были самые сладкие, невинные и вместе с тем грязные объятья, которые только могли быть. Они не несли в себе и следа пошлости, но казались настолько аморальными и неправильными, что мне хотелось большего.

Зайти намного дальше, чем я зашёл с другим осколком.

Я не чувствовал никакой фальши. Ощущения были такими настоящими, такими яркими и насыщенными, что я на миг забыл о том, в каком ужасающем месте находился.

Мне стоило гигантских усилий немного повременить и не заходить дальше. Я чувствовал, как быстро билось в моей груди сердце. Чувствовал, как вместе с нежностью во мне пробуждалась похоть. Чувствовал, что вновь принявшее форму девушки Немое было совсем не против. Оно знало, что я чувствовал. Готово было пойти на всевозможные уступки.

Оно было слишком добрым к собственной гнили.

Но, к несчастью, сейчас был не совсем подходящий момент. Боюсь, отдаваться первородному греху в затопленном городе, где всё ещё обитали бесчисленные души, было не самой умной идеей.

— Вижу, тебе стало немного легче, — улыбнулся я.

Сэнди улыбнулась в ответ, едва заметно кивнув. Она пальцем показала на мой локон волос, заставив обратить на него внимание.

Я удивлённо приподнял его, какое-то время разглядывая.

Появившаяся седина исчезла, словно её никогда и не было. Это была не иллюзия и не фальшивка.

Я засмеялся. Сначала безумно, но чем дольше я смеялся, тем более чистым и мягким становился мой смех. Облегчение. Я ощущал себя так, будто с меня сняли часть безумно тяжелого, мучительного груза.

Сэнди хихикнула, показав пальцем на меня.

Я удивлённо моргнул.

— Да. Мне тоже стало легче. Нам.

Я по-новому осмотрелся, выглянув в висевшее прямо напротив нас окно. Сияние Второй Луны никуда не исчезло. На лицо вылезла тонкая усмешка.

Эта хрень понятия не имеет, в какое дерьмо вляпалась. Худшее было ещё впереди.

— Думаю, — перевёл взгляд на разглядывающую меня девушку, — нам нужно отсюда уходить. Ты случайно не знаешь, как можно выбраться с нулевой глубины, захватив с собой весь город?

И, в принципе, как вообще можно выбраться с нулевой глубины.

Немое удивлённо наклонило голову, после чего неожиданно и само засмеялось. Я впервые слышал, чтобы оно... она столь громко смеялась. Высокий, обманчиво невинный смех, за которым скрывалось нечто безумно огромное.

Образ кита исчез. В нём просто больше не было смысла. Смертное сознание и метафизическое вновь стали едиными.

Успокоившись, девушка наклонилась к моему уху, после чего немного хрипло, но оттого не менее нежно, безумно сладко и любяще, захватывая своим «я» бесчисленные вариации, начала говорить.

Говорить десятками голосов, десятками интонациями, буквально проникая своим голосом в мою сущность, заставляя меня запомнить, научиться, развить в себе способность, про которую я и знать не знал.

Она всегда была со мной, но я был недостаточно развит для неё.

Я поднял затуманенный взгляд куда-то наверх, почувствовав бесчисленные связи. Все связи,

которые я когда-либо создавал с теми, кто жил на иллюзорной суше.

Теперь я был уверен: пока хоть кто-то будет знать моё... нет, наше имя, узнавать наш образ, нашу внешность, слышать истории и легенды про нас...

Мы всегда сможем зацепиться за это и потянуться вверх. В бесчисленные миры. Потому что океан уже давным-давно выбрался на сушу.

Остаётся лишь найти подходящий якорь. Заставить его запомнить нас, поверить в нас, узнать нас как можно лучше. И чем лучше нас будут знать — тем больше власти мы будем иметь.

Оказывается, Чарльз ещё очень даже может мне пригодиться.

Я потянулся к образу своего самого дорогого друга в этой ветви, чувствуя, как Немое вцепилось в меня, как схватило своей силой весь Реинвелл со всеми душами в нём, потянув вместе со мной на сушу.

Иллюзорную сушу.

Пока что иллюзорную сушу.

Вспышка.

<http://tl.rulate.ru/book/98238/4609061>